

Соціологіческое наслідіе Л. Леви-Брюля

Скончавшійся 14-го марта 1939 г. на 83 году жизни, замѣчательный французскій мыслитель и ученый открыл совершенно новые пути соціологическаго изслѣдованія. Сначала нео - кантіанец (*Ideé de Responsabilité*, 1884), затѣм утонченный, скептической позитивист, преодолевшій морально - соціологическій догматизм Дюркгеймовской школы (*La Morale et la Science des Moeurs*, 1902), Леви - Брюль в сравнительно уже очень зрѣлом возрастѣ, на шестом десяткѣ, окончательно нашел себя, благодаря своему открытію специфичности мышленія и чувствованія первобытных народов. В длинной серіи работ, первым звеном которых была *Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures* 1910 г. и заключительным аккордом — *L'Expérience mystique et les symboles chez les primitifs*, 1938, Леви-Брюль раскрыл цѣлый мір своеобразной духовной жизни первобытных народов, о котором не подозревали этнографы и миссіонеры, так как примѣняли к пониманію примитивнаго сознанія категоріи современнаго сознанія и исходили из идеи эволюціи по единой прямой линіи, предполагающей неизмѣнность сущности человѣка и общества. Л. - Б. своими изслѣдованіями установил не только относительность категорій мышленія и несводимость нашей логики и данных опыта к логикѣ и данным опыта примитивных, но и подорвал в корнѣ идею прогресса, показав несоизмѣримость духовных культур и полную измѣнчивость природы человѣка. Его изслѣдованія имѣли еще болѣе широкій смысл, так как на конкретном примѣрѣ установили невозможность общих законов в соціологіи, необходимость для соціолога ограничиваться изслѣдованіем в рамках качественно различных типов общества, типов, которые не могут быть установлены без уразумѣнія внутренних смыслов коллективных поведеній.

Таким образом, смысловая коллективная психологія, изучающая душевные составы, соответствующіе соціальной символикѣ разных типов общества, стала, благодаря работам Леви - Брюля,

первоосновой социологии. В самом процессе своих исследований Л. - Б. преодолел одновременно и рационализм, и позитивизм: его социология обращается к непосредственным коллективным интуициям и их данностям, и, в частности, уясняет суть мистического опыта примитивных народов.

**

Крупные мыслители бывают двух основных типов. Одни сразу ухватывают центральную тему исследования и основной вклад, которыми они приковывают к себе внимание, и затем всю жизнь развивают и углубляют высказанное (таковы, например, во Франции столь противоположные во всем остальном умы, как Бергсон и Дюркгейм). Другие, напротив, развиваются постепенно, этапами: они мнят области исследования и внутри каждой области мнят точки зрения. Их путь драматичен, частично мучителен, но выводы более богатые, разносторонние и плодотворные (таковы, например, во Франции Прудон и Фредерик Рай). Мыслители статического типа быстрее основывают школы, более легко влияют на современников, пользуются часто большим успехом при жизни. Мыслители динамического типа, напротив, труднее усваиваются современниками, менее подходят для односложной школьной схемы, но зато их влияние оказывается более продолжительным и универсальным.

Леви - Брюль принадлежал ко второму типу мыслителей: его творчество было сплошным становлением, и даже когда он пришел к своей смысловой социологии первобытных, каждое новое произведение этого неутомимого ученого (самый напряженный период научной деятельности которого относится к последним семнадцати годам его жизни, т. е. от 65 до 82 лет!) содержало глубокое изменение позиции и новые завоевания мысли.

**

В первый период своей жизни Л. - Б., после юношеской работы об *ответственности*, от которой он вскоре отрекся, посвятил себя истории философии. В своих первоклассных исторических исследованиях: *History of modern philosophy in France*, 1889; *L'Allemagne depuis Leibnitz*, 1890; *La Philosophie de Jacobi*, 1894; *La philosophie d'Auguste Comte*, 1890, Л. - Б. дал последующим поколениям французских ученых яркий образец того, каким должна быть работа историка философии. Де-

тальная, почти математическая точность в анализѣ всѣхъ текстовъ изслѣдуемаго философа, сочетаемая с необычайнымъ чутьемъ исторической эпохи и конкретныхъ ситуацій мысли, не только не мѣшала, но содѣйствовала в работахъ Л. - Б. глубокому проникновенію в систематическое единство мыслей автора. Всѣ современные французскіе историки философи от Брейе, вплоть до Жилсона были учениками Л. - Б., многочѣтнія лекціи котораго в Сорбоннѣ (он занимал кафедру исторіи философіи) были классическимъ примѣромъ кристальной ясности, объективной точности и проникновенія в самаго чуждыя ему системы.

**

Лишь на 47-мъ году жизни, завоевавъ себѣ всеобщее признаніе своими историко - философскими трудами, Л. - Б. обратился къ соціологическимъ исканіямъ. Переходнымъ звеномъ послужила его работа *La Morale et la Science des Moeurs*, 1902, открывшая новую эпоху в спорѣ о возможности теоретической морали и вызвавшая обширную литературу.

Л. - Б. выступилъ, какъ радикальный отрицатель возможности нормативной этики. Основываясь на своемъ блестящемъ знаніи исторіи моральныхъ доктрин, авторъ доказывалъ, что всѣ эти доктрины основаны на логическихъ противорѣчій, что онѣ одновременно бесплодны и догматичны, такъ какъ всякая этическая теорія вырождается в «метамораль», не имѣющую никакого контакта съ реальною моральною жизнью.

Моральныя доктрины претендуютъ сразу познавать и предписывать, онѣ смѣшиваютъ сужденія о бытіи и долженствованіи. Но знаніе ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть нормативнымъ. Безразлично, выводятся ли нормы и цѣнности изъ рациональнаго знанія метафизической сущности или изъ принциповъ апріори, или же ихъ стремятся индуктивно основать на наблюденіи фактовъ, на эмпирическомъ знаніи. Никакая индукція, будь она біологической, психологической или соціологической, не можетъ привести къ установленію критеріевъ поведенія. В этомъ смыслѣ этика удовольствія, интересовъ, соціального развитія и солидарности грѣшитъ совершенно тѣми же логическими недугами, какъ этика Высшаго Блага или категорическаго императива. В частности, такъ называемая, «соціологическая мораль» не только Конта и Спенсера, но и Дюркгейма, не имѣетъ никакого отношенія къ соціологіи и, стремясь вывести

из науки о нравах предписанія должнаго, превращает эту положительную науку в новую «метамораль».

Вдобавок самая разнообразная этическая доктрина, расходясь в обоснованіях, сходятся в выводах, поскольку онѣ относятся к той же эпохѣ: онѣ только догматизируют моральные вѣрованія эпохи и ничего к ним не прибавляют. Немудрено, что этическая система никогда не волнует умов и почти никогда не беспокоит церковных властей, в полную противоположность теоретической философіи и наукѣ... Это еще не все. Всѣ системы теоретической морали основаны на тѣх же ложных постулатах; первый из них — предположеніе неизмѣнности и тождества человѣческой природы и природы общества, в то время как эта природа абсолютно измѣнчива: она не одинакова у первобытных и цивилизованных, на Западѣ и на Востокѣ, в античном и в христіанском мірѣ, в эпоху феодализма и в эпоху капитализма. В этом смыслѣ всѣ этическая системы основаны на «моральном антропоморфизмѣ», на соблазнѣ мѣрять всяческое поведеніе на свой аршин, примѣняя критеріи нашей среды и нашей эпохи.

Другим ложным постулатом всѣх систем теоретической морали является предположеніе, будто «моральное сознание», т. е. сознание норм и цѣнностей, является гармоническим цѣлым, не допускающим несводимых противорѣчій, антиномій. Кант, напримѣр, предполагал, что «категорические императивы» не могут вступать в противорѣчіе, а утилитарныя доктрины основаны на неизмѣнной іерархіи интересов и удовольствій. Между тѣм, одним из самых безспорных явленій моральной жизни является постоянное и неразрѣшимое противорѣчіе между равноцѣнными императивами и интересами. Моральное сознание всегда глубочайшим образом противорѣчиво. Нравственныя обязанности, порожденныя разными эпохами и различными традиціями, сталкиваются между собой внутри каждаго моральнаго сознанія; вѣчно борются в нем различныя и эквивалентныя обязанности по отношенію к разным группам (семьѣ, профессіи, классу, націи, международному обществу, человѣчеству), по отношенію к себѣ и к обществу, по отношенію к конкретным ситуаціям и т. д. Нѣтъ общих обязанностей и императивов, а только партикулярныя, конкретно - индивидуализированныя и вступающіе постоянно в непримиримыя противорѣчія.

Основываясь на всѣх этих соображеніях, Леви - Брюль пришел к абсолютно скептическому выводу: нужно отказаться от вся-

кой философіи морали, от всякой теоріи этики. Возможна только положительна - описательная наука о нравах, не претендующая ни на какое поученіе, свободная от всякой нормативно - цѣлностной тенденціи и составляющая часть соціологіи.

Хотя многіе критики Л. - Б. по недоразумѣнію зачисляли его в школу Дюркгейма, не может быть сомнѣнія, что уже в этой работѣ Л. - Б. далеко вышел за ея предѣлы и что его критика подрывала в корнѣ морализующій характер Дюркгеймовской соціологіи, разрушая ея основную предпосылку: взгляд на общество как на Высшее благо *), а также ученіе о перманентной основѣ общезжитія.

Однако, выводы Леви - Брюля грѣшили в другом направленіи. Он оставался вѣрен позитивистическому предрасудку о возможности примѣненія естественно - научнаго метода к изученію соціальной жизни, в частности, к типологіи нравов, и сопоставляя даже свою «науку о нравах» с физикой. Он рѣзко отвергал, в этот період своего творчества, всякое толкованіе внутренних смыслов коллективнаго поведения, предполагая, что всякая «интерпретація» приводит к метафизической конструкціи, исходящей из произвольнаго принятаго единства, и сводится к подмѣнѣ сознанія изучаемаго моральнаго суб'екта сознаніем толкователя. В результатѣ этого взгляда Л. - Б. не уяснил, в чем должен состоять метод «науки о нравах», не указал, каким путем она может извлечь из соціальной реальности специфическіе «моральные факты» в их отличіе от фактов религіозных, юридических и других, с которыми они часто находятся в сплетеніи и в противоборствѣ. Здѣсь никакой другой метод, кромѣ метода смысловаго уразумѣнія, невозможен, и эта интерпретація путем проникновенія в смысл наблюдаемых актов не имѣет ничего общаго с метафизической конструкціей и моральным антропоморфизмом, так как исходит из вѣшне осязаемых символов, чтобы затѣм уразумѣть их внутренний, специфическій, партикулярный смысл, т. е., то, что они конкретно символизируют. Возьмем, напримѣр, этнографа, наблюдающаго извѣстные жесты группы дикарей: как ему рѣшить, идет ли дѣло о религіозной или магической церемоніи, о военном или гимнастическом упражненіи, о простых актах вѣжливости, об осо-

*) Срвн. по этому поводу мою книгу *Essais de Sociologie*, éd. Sirey, 1939, *La Science des faits moraux et la Morale théorique chez Durkheim*, стр. 281-306.

бых юридических процедурах, или, наконец, о специфическом моральном поведении? Только, стараясь проникнуть в мотивы тѣлодвиженій, в вѣрованія, которыя ими руководят, в глубину их психическаго состоянія. И, с другой стороны, чтобы отличить моральные мотивы от всѣх прочих, нужно уже имѣть критерій нравственнаго в отличіе от религіознаго, юридическаго и т. д.

Таким образом, углубленіе и уточненіе проблемы метода науки о нравах непосредственно приводит обратно к вопросу о теоретической морали, не той конструктивно - догматической «метаморали», которую сдѣлал невозможной своей критикой Леви - Брюль, но к совсѣм иной этической теоріи. Рѣчь идет об этикѣ, основанной на многообразіи непосредственнаго моральнаго опыта, стремящейся уразумѣть его специфичность, ставящей себѣ единственной задачей обнаружить в послѣдующей рефлексіи объективныя цѣнности, которыя были дѣйствительно пережиты в опытѣ, и отказывающейся от всякаго поученія и предписанія, от всякой нормативной функціи.

Такая теоретическая этика, выработанная многими современными представителями ученія о непосредственном моральном опытѣ (во Франціи Фредериком Рау, в Германіи М. Шеллером и Н. Гартманном), отвергая всѣ «постулаты» старой «метаморали» и признавая лишь строго индивидуализированныя, партикуляризованныя и локализованныя цѣнности, не только не вступает в противорѣчіе с наукой о нравах, но находится с ней в тѣсном сотрудничествѣ: здѣсь этика и соціологическая наука о нравах взаимно предполагают друг друга, так как ученіе о специфичности моральнаго опыта дает наукѣ о нравах точный критерій для отличія «моральных фактов» от всѣх других, а наука о нравах поставляет этикѣ конкретный матеріал о разнообразных «дапных» моральнаго опыта, о всевозможных моральных актах и символах их вдохновляющих, матеріал, без котораго теоретическая этика превращается в разсужденіе в пустотѣ.

Автору этих строк в книгѣ *Morale Théorique et Science des Moeurs*, 1937, éd. Alcan, посвященной Леви - Брюлю и, в основном, им одобренной, пришлось указать на полную примириемость новѣйших теченій в философской этикѣ с точкой зрѣнія Леви - Брюля, при условіи уясненія и расширенія метода выдвинутой им науки о нравах.

Это расширеніе и углубленіе соціологическаго метода произо-

шло в дальнѣйших работах самого Л. - Б., отказавшагося в своих замѣчательных изслѣдованіях о духовной жизни первобытных народов от примѣненія естественно - научных схем к изученію социальних явленій и давшаго блестящій образец обращенія к чисто эмпиристической смысловой интерпретаціи при рѣшеніи социологических проблем.

**

В своем первом трудѣ, посвященном логикѣ первобытных народов, *Les Fonctions mentales dans les sociétés inférieures*, 1910, Леви - Брюль вскрыл непримѣнимость к их познавательным актам принципов логического тождества и противорѣчія. Наши «основные законы мышленія» не имѣют универсальнаго примѣненія: мышленіе примитивных зиждется на совѣтм других началах. Это принцип мистическаго соучастія всего во всем — *loi de participation*. Примитивные одновременно отождествляют себя с тотемом и считают себя подчиненными тотему существами, они приписывают себѣ присутствіе в тот же момент времени в разных мѣстах, они утверждают одновременно свою вездѣсущность и ограниченность своего бытія. Их представленія о мірѣ и их методы мышленія имѣют чисто мистическій характер. Это именно и проглядыли этнографы и антропологи такого типа, как Тайлор и Фразер, которые об'ясняли различныя вѣрованія первобытных неправильным примѣненіем современных нам логических категорій. Фразер, напримѣр, об'яснял магію в архаических обществах слишком расширенным примѣненіем принципов сходства, контакта, порядка и причинности, не замѣчая, что он вкладывал в сознаніе примитивных понятія, которыя им чужды, и проходя мимо основнаго: преобладанія мистически - эмоциональнаго над интеллектуальным в их мышленіи, построенном на принципѣ сверх'естественнаго соучастія. Отсюда также неудачи просвѣтительной работы миссіонеров и учителей, работающих в архаических обществах: ссылки на наш «позитивный опыт» совершенно неубѣдительны для примитивных, потому что опыт этот проникнут нашими законами мышленія и понятіями, обязательности которых они не признают и не постигают. В этом смыслѣ мышленіе примитивных оказывается «непроницаемым для нашего позитивнаго опыта» (*imperméable à l'expérience*); их собственный опыт, конструированный по принципу «*loi de participation*», является для них единственно убѣдительным. Только поскольку во внѣшних сферах

их жизни дѣйствіе мистическаго принципа соучастія ослабляется, примитивные становятся болѣе воспримчивы к позитивному опыту нашего типа и, одновременно, к законам тождества и противорѣчія, а также к интеллектуальнымъ понятіямъ в ихъ отличіи отъ эмоциональной жизни.

В слѣдующей своей работѣ: *La Mentalité Primitive*, 1922, Леви - Брюль, продолжая и углубляя свое изслѣдованіе о логикѣ примитивныхъ, устанавливаетъ, что не только основные законы мышленія, но и представленія о *времени, пространствѣ* и *причинности* у нихъ совершенно не соизмѣримы съ нашими. Что касается времени, то для примитивныхъ не существуетъ однообразнаго, гомогеннаго времени, поддающагося измѣренію. Они не могутъ сопоставлять равнозначные промежутки времени, такъ какъ «священное время», «хорошее время» качественно отлично для нихъ отъ «запретнаго времени», «плохого времени» и т. д., и они не поддаются сравненію. То же съ пространствомъ; его отрѣзки несоизмѣримы, такъ какъ наполнены различнымъ качествомъ: труднѣе пройти самое короткое «закрытое» или «священное» пространство, чѣмъ самое длинное, не обладающее этими свойствами и потому представляющееся примитивнымъ, какъ болѣе короткое.

Примитивные не примѣняютъ понятія дѣйственной, непосредственной причинности (*causes efficientes, causes secondes*). Они признаютъ и ищутъ только первопричины (*causes premières*), причинность мистическую. Напримѣр, в «ордаляхъ», столь распространенныхъ в архаическихъ обществахъ, в качествѣ причины смерти испытываемаго, оказывается не яд, который ему даютъ проглотить, но преступленіе, которое он, повидимому, совершил, если ядъ дѣйствуетъ смертельно. Болѣе общимъ образомъ — не болѣзнь или эпидемія являются причинами смерти, а колдовство, дурной глазъ или гнѣвъ тотема, вызывающіе самую болѣзнь, и т. д.

Такимъ образомъ, не только разсужденіе примитивныхъ основано на принципахъ, ничего общаго не имѣющихъ съ нашими, но и ихъ непосредственное воспріятіе міра совершенно иное, такъ какъ происходитъ в рамкахъ другихъ категорій времени, пространства и причинности. Этнографы, антропологи и соціологи, изучающіе сознаніе примитивныхъ обществъ, впадаютъ в роковыя ошибки, не отдавая себѣ отчета в томъ, что самая картина міра, представленія о личности, о соціальной группѣ, о средѣ видимой и невидимой, у примитивныхъ совершенно не соизмѣримы съ нашими представленіями.

Третій труд Леви - Брюля, посвященный примитивным, озаглавлен: *L'Âme Primitive*, 1927. В нем автор переходит от первобытной логики к примитивным психологическим представлениям, в частности к описательному уразумѣнію представлѣнія о личности и ея отношеніи к обществу. Л. - Б. блестяще разрушил легенду, поддерживаемую большинством этнографов и социологов (в частности Дюркгеймом и его школой), будто в архаическом обществѣ индивидуальной личности не существует, так как она абсолютно подавлена и раздавлена цѣлым. Ни личность, ни общество примитивных не поддаются сравненію с нашими, так как общіе критеріи отсутствуют. Что касается личности, то ея предѣлы совершенно иные, чѣм в нашей цивилизаціи. Примитивная личность гораздо «мощнѣе» нашей по объѣму, так как она частично распространяется во внѣшній мір, благодаря сферѣ «мистических принадлежностей», составляющих ея неотъемлемую часть и сливающихся с ней: одежда, инструменты, окружающіе предметы, проникнутые «маной» (магической силой), излучаемой индивидом, не говоря об его тѣни, волосах, ногтях, выдѣленіях и т. д. вмѣстѣ с тѣм примитивная личность менѣ дифференцирована по отношенію к другим индивидам и в этом смыслѣ «слабѣе», чѣм наша, с точки зрѣнія содержанія. При таких условіях соизмѣрять положеніе личности в архаическом обществѣ и в нашем есть наивный догматизм. С другой стороны, самое «общество» означает у примитивных нѣчто совсѣм иное, чѣм у нас. В примитивное общество входят не только живые члены, но и умершіе, продолжающіе жить гдѣ-то по близости, принимающіе активное участіе в социальной жизни и часто умирающіе во второй раз. Но если живые и покойники об'единяются в одном цѣлом, что может усиливать социальную власть и социальное давленіе, то вмѣстѣ с тѣм, эти власть и давленіе слабѣют в силу того, что умершіе воплощаются в живых и что, согласно принципу мистическаго соучастія, общество в такой же степени имманентно индивиду, в какой индивиды имманентны обществу. Другими словами, как раз в примѣненіи к примитивному обществу легенда об его «трансцендентности» по отношенію к сочленам, столь усиленно распространявшаяся Дюркгеймом, должна быть навсегда оставлена.

В трех своих послѣдних трудах: *Le Surnaturel et la Nature dans la Mentalité Primitive*, 1931, *La Mythologie Primitive*, 1935 et *L'Expérience mystique et les Symboles chez*

les primitifs, 1938, Леви - Брюль занялся уясненіем примитивных вѣрованій в сверх'естественное, в болѣе узком смыслѣ слова. Если вся духовная жизнь первобытных проникнута глубоким мистицизмом, то это не значит, что невозможно выдѣлить в их сознаниі сферу, гдѣ этот мистицизм имѣет особенно интенсивный и, так сказать, привилегированный характер. Это область «аффективной категоріи сверх'естественнаго»; она связана с напряженностью страха. Цитируя слова, сказанныя эскимосским шаманом Ауа К. Рамундсену: «Мы не столько вѣруем, сколько боимся», Леви - Брюль показывает, насколько ложно утвержденіе многих этнографов и соціологов, считающих, что нельзя говорить о противоположеніи сверх'естественнаго и естественнаго у первобытных народов по той причинѣ, что это противопоставленіе предполагает точное представленіе об «естественном», которое у них отсутствует. Рѣчь идет, замѣчает Л. - Б., о разных степенях интенсивности страха и, слѣдовательно, аффективной категоріи. Там, гдѣ их напряженность достигает максимума, выступает наружу привилегированная сфера непосредственнаго мистическаго опыта, данностью котораго является сверх'естественное. Можно, может быть, пожалѣть, что Л. - Б. не различил в самом мистическом опытѣ, основанном на боязни, двух разных ступеней: 1) ужаса, безконечной жути перед абсолютно высшей, трансцендентной силой, предполагающей смиреніе и общающей спасеніе («Angst» Kierkegaard'a et Heidegger'a) и 2) простого страха, опасенія (Furcht) перед сверх'естественной силой, с которой при извѣстных условіях (если знать, как с ней обращаться) можно совладать; это привело бы его к разграниченію примитивной религіи от магіи, разграниченію, выражающемуся в противоположеніи «Священнаго», напр. Тотема, и магической «Маны», имманентной міру и каждому суб'екту *). Но нельзя отрицать, что Л. - Б. своим анализом «аффективной категоріи сверх'естественнаго» прекрасно разрѣшил давно волновавшій этнографов вопрос о границах естественнаго и сверх'естественнаго в арханческих обществах.

Если примитивные «непроницаемы» для нашего позитивнаго опыта, построеннаго на категоріях нашей логики, они, напротив, болѣе всего руководствуются своим непосредственным мисти-

*) См. по этому поводу мои *Essais de Sociologie*, гл. III: *La Magie et le Droit*, ср. 173-209.

ческим опытом сверхъестественнаго. И чтобы это понять, необходимо не переводить этого опыта на язык наших понятій, но его сопережить, прежде чѣм описывать. Это сопереживаніе привело Л.-Б. к заключенію, что непосредственный, интуитивный опыт примитивных безконечно богаче нашего, тѣм болѣе, что наша логика и наша конструкція научнаго опыта заставляют нас искусственно обѣднять непосредственно - интуитивный опыт. Этим об'ясняется утѣшеніе и облегченіе, которыя мы испытываем при чтеніи примитивных мифов и сказок: принужденіе, которое мы примѣняем к нашему, и так уж довольно обѣдненному мистическому опыту, здѣсь на время устраняется и дает нам особое эстетическое наслажденіе.

Анализируя мифологію примитивных, Л. - Б. обнаруживает, что в их непосредственно - интуитивном опытѣ животныя переживаются как люди в масках: масками служат шкуры, которыми они себя прикрывают; человѣкъ, обвалакивающий себя шкурой, превращается в животное, и животное, сбрасывающее с себя шкуру, в человѣка. Так как тотемами в примитивных обществах являются, главным образом, звѣри, заключеніе Л. - Б. чрезвычайно важно для уясненія смысла тотемизма. Послѣдній ничего общаго не имѣет с зоолатріей. Примитивное Божество, которое символизирует тотем, лишь прикрывается шкурами, как оболочкой, чтобы не ослѣпить своим величіем человѣка; по существу, оно всегда имѣет человѣкоподобный и виртуально - личный характер.

С другой стороны, символы имѣют в духовной жизни примитивных совсѣм особое значеніе. Для нас символы имѣют характер знаков, замѣщающих то, что символизируется, и отдѣленных от него. У примитивных, напротив, между символами и символизируемым нѣтъ никакой раздѣльности. Символы — непосредственныя части символизируемаго и, в силу принципа мистическаго соучастія, символ и символизируемое совершенно сливаются.

**

Таковы в самых общих чертах основные результаты изслѣдованія Леви - Брюля о смысловой психологіи примитивных. Они раскрыли цѣлый невѣдомый нам міръ. Чѣм болѣе Л. - Б. погружался в этот міръ, тѣм острѣе он раскрывал всю глубину пропасти, отдѣляющей наше сознаніе от сознанія примитивных: не только основные законы мышленія, не только категоріи пространства, времени и причинности, не только представленія о личности и обще-

ствѣ, не только идея сверхъестественнаго опыта, но и самыя данности непосредственно интуитивнаго опыта оказались совершенно не соизмѣримыми и не сводимыми.

Таким образом Л. - Б. нанес сокрушительный удар всѣм попыткам объясненія происхожденія современных институтов из первобытных, всѣм видам смѣшенія примитивнаго с основоположным (*élémentaire*), столь распространенным в социологии (одно названіе извѣстнаго труда Дюркгейма: *Les Formes Elementaires de la Vie Religieuse* является в этом смыслѣ цѣлой программой, тщету которой вскрыл Леви - Брюль). Л.-Б. на конкретных примѣрах вскрыл всю тщету поисков «общих законов развитія» в социологии, показав, что, переходя от одной культуры к другой, мы всегда одновременно *кое-что теряем* и *кое-что выигрываем*. Он навсегда преодолѣл количественный метод в изученіи социальных явленій, поставив на его мѣсто метод качественного уразумѣнія, поиски индивидуализированных смыслов коллективных дѣйствій, метод, допускающій лишь установленіе строго ограниченных типов. Он впервые поставил в строго научных рамках проблему новой социологической дисциплины: *социологии знанія*, которая имѣет громадную будущность. Он устранил конфликт между социологіей и исторіей, которыя он значительно сблизил между собой и между которыми он создал возможность тѣснаго сотрудничества.

Контакты Л. - Б. с рядом теченій современной мысли, в частности с разнообразными ученіями о многообразіи расширеннаго, интегральнаго опыта (напримѣр, с феноменологіей), были многогранны и несомнѣнны. Вліяніе, которое он оказал в этнографіи и социологии так велико, что оно не поддается даже еще опредѣленію. Его богатым социологическим наслѣдіем будут питаться еще цѣлыя поколѣнія изслѣдователей, примѣняя его метод к изученію *социологии духа* в других, а не только примитивных, типах и структурах общества.

Леви - Брюль был не только замѣчательным мыслителем и изслѣдователем. Он был человекъ исключительно стойких убѣжденій, необычайной широты и отзывчивости, рѣдкой доброты и благородства. Его интимным другом с ранней молодости был Жан Жорес, и он остался вѣрен его завѣтам до послѣдней минуты жизни. В Леви - Брюлѣ воплотилось лучшее, что дала французская научная,

моральная и политическая культура конца XIX-го и начала XX-го вѣка. Славясь своей совершенно необычайной безпристрастностью и об'ективностью, умѣнем воздавать должное ученым противоположных направленій и людям иного душевнаго склада, Леви - Брюль признавался французской академической средой безспорным супер - арбитром, внушавшим всѣм одинаковое довѣріе и уваженіе.

Его смерть—громадный, непоправимый удар по интеллектуальной жизни Франціи. Таким мыслителям и людям в печальной современности нѣтъ смѣны.

Г. Д. Гурвич